

ИЗЪ ХОДЖЕНТА.

I.

Рассказы о новомъ, совершенно неизвѣстномъ намъ, но весьма обширномъ, богатомъ и оригинальномъ краѣ, называемомъ Туркестанской областью, естественно возбуждаютъ живой интересъ въ русскихъ читателяхъ, и потому я считаю не лишнимъ сообщить имъ пѣкоторыя подробности объ этой далѣкой, полудикой странѣ. Ходжентъ во всѣхъ отношеніяхъ гораздо лучше Ташкента, хотя послѣдній, по разнымъ соображеніямъ, и избранъ здѣшнимъ политическимъ и административнымъ центромъ и составляетъ столицу туркестанского генераль-губернаторства. Во 1-хъ, Ходжентъ расположенъ по берегу отличной, многоводной Сырь-Дары и со всѣхъ сторонъ окружены горами, по скатамъ которыхъ зеленѣютъ роскошные сады; а все это вмѣстѣ—вода, горы и растительность, лѣтомъ, при здѣшнихъ жарахъ и засухахъ, сообщаетъ воздуху благодатную свѣжесть и чистоту; зимой же—большую умѣренность температуры и меньшее количество дождей. Во 2-хъ, Ходжентъ весь окруженъ великобиѣшими садами, которыхъ здѣсь больше, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ области. Все это сады фруктовые; плоды растутъ здѣсь въ удивительномъ изобилии и ими снабжаются всѣ окрестные города, въ томъ числѣ и Ташкентъ, куда еженедѣльно отправляются небольшие караваны съ яблоками, сливами, грушами, персиками, абрикосами, черешнями, грѣцкими орѣхами, миндалемъ и гранатами. Кромѣ того, здѣсь, какъ говорится, ровно ни по чемъ, арбузы, дыни и виноградъ. Лѣтомъ цѣлый пудъ винограда стоитъ 30 копеекъ! Русскіе выдѣлываютъ изъ

него водку, и весьма поряочное красное и бѣлое вино, замѣняющее лекій напитокъ, вродѣ кваса. Надѣ утопающимъ зелени и пестрѣющимъ разноцвѣтными фруктами и цвѣтами городомъ возвышаются со всѣхъ сторонъ горы. Лѣсовъ здѣсь почти нѣть овсе и потому дрова весьма дороги: семь и даже доходятъ до десяти рублей за сажень *); но зато, по умѣренности температуры, потребность въ нихъ не велика. Вся эта растительность распускается въ Ходжентѣ уже въ первой половинѣ марта, тогда какъ въ Ташкентѣ въ это время нѣть еще никакихъ признаковъ зелени.

Туземное населеніе Туркестана раздѣляется на кочевое—киргизовъ, или саковъ, какъ они сами себя называютъ, и осѣдыхъ—сартовъ. Вся Семирѣченская область и пѣкоторые уѣзды Сырь-Даринской области населены исключительно одними киргизами. Остальные же уѣзды послѣдней области заняты частію киргизами, частію сартами. Въ городахъ вообще господствуетъ населеніе сартское, а киргизы кочуютъ въ своихъ кибиткахъ по степямъ, безпрестанно перемѣняя пастваща для своихъ обширныхъ стадъ рогатаго скота, барановъ, лошадей и верблюдовъ, составляющихъ ихъ исключительное богатство и почти единственный промыселъ. Только на холодное время этотъ бродячій людъ забивается въ тѣсныя и смрадныя юрты, и какъ только пригрѣеть солнышко, они перекочевываютъ съ места на мѣсто. Трудно вообразить себѣ существо лѣнивѣе киргиза! Еще бѣдняка нужда и голодъ часто заставляютъ за что-нибудь приняться; но богатый уже ровно ничего не дѣлаетъ, если только, на горе его лѣни, онъ не

*) На топливо употребляется камышъ и кизикъ.

занимаетъ какую-нибудь общественную должность.

За его стадами смотрѣть прислуга, хозяйствомъ занимаются жены и, кромѣ того, послѣднія выдѣлываютъ войлоки, служащи имъ для укутыванія на зиму ихъ кибитокъ, и ткуть бязи—родъ толстаго холста. Войлоки эти далеко уступаютъ, по своей добротности, приготовляемымъ у насъ въ Россіи. Вообще, на киргизскихъ женщинахъ (какъ во всѣхъ почти первобытныхъ обществахъ) лежитъ наибольшая часть труда. Не смотря однакожъ на это, они сохраняютъ, до вѣкоторой степени, свою женственность и даже кокетливость, обнаруживающуюся особенно въ нихъ страсти къ различнымъ украшеніямъ, для которыхъ употребляютъ мелкую серебряную монету, нанизываа ее въ видѣ серегъ, браслетъ и т. п. Ходятъ они обыкновенно съ непокрытыми лицами, между которыми попадаются довольно красивыя. Женскій киргизскій костюмъ почти ни чѣмъ не отличается отъ мужскаго и за исключеніемъ украшеній, состоитъ изъ такого же простаго бумажнаго халата. Питаются киргизы очень неизысканно: бѣдныеѣдятъ зимою почти одно только просо съ водой, мясо употребляютъ рѣдко, хлѣба же—никогда. Лѣтомъ пьютъ кумысъ и айрамъ—питье, приготовляемое изъ козлинаго молока. Только богатые лакомятся мясомъ и кониной. Равнодушный къ материальнымъ своимъ интересамъ, народъ этотъ весьма индиферентно относится и къ своей религіи, и фанатизма, свойственного сартамъ, между киргизами незамѣтно вовсе. Это полудикое еще младенческое состояніе киргизовъ поражаетъ свѣжаго человѣка тѣмъ сильнѣе, что они находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ русскими: вся почти

торговля наша со среднею Азией совершается при посредствѣ ихъ, такъ какъ всѣ товары, идущіе въ Азію и обратно, перевозятся на киргизскихъ верблюдахъ. Обыкновенно какой-нибудь бугатый киргизъ берется составить караванъ для купцовъ, и если своихъ верблюдовъ у него недостаточно, то нанимаетъ еще другихъ киргизовъ съ ихъ выючными животными и самъ дѣлается проводникомъ каравана,—караванъ-баши, или же находитъ для этого какого-нибудь опытнаго своего земляка, хорошо знакомаго со всѣми дорогами.

Сарты, живущіе осѣдо, занимаются земледѣліемъ и торговлею. Сверхъ того, въ городахъ они составляли до-сихъ-поръ ремесленный классъ, и то въ послѣднее время стали встрѣчать соперниковъ въ русскихъ казенныхъ и, весьма еще немногихъ, частныхъ ремесленникахъ. Впрочемъ, соперничество это пока еще весьма слабо и, за неимѣніемъ хорошихъ русскихъ мастеровъ, по-неволѣ приходится довольствоваться грубыми туземными издѣліями. Не смотря, однакожъ, на то, что всѣ отрасли промышленности и торговли находятся въ рукахъ сартовъ, они, по природѣ своей, тоже народъ весьма лѣнивый и при первомъ удобномъ случаѣ каждый сартъ чрезвычайно любитъ устроить себѣ *dolce far niente* на базарной площади: еѣ трубочкой въ зубахъ, потягивая изъ нее опiumъ, онъ готовъ просидѣть здѣсь почти неподвижно весь Божій день, поротьшичиать и послушать разныя городскія новости; а когда толкотня и базарная суматоха утомятъ его, онъ отправляется въ другое, не менѣе любимое мѣсто своего пребыванія — въ бани, служащія здѣсь не только для омовенія тѣла, но и кофейной и клубомъ. Какъ базарь, такъ

и бани въ нашемъ kraѣ рѣзко отличаются отъ подобныхъ же учрежденій въ Европѣ.

Такъ какъ базарь служить туземцамъ мѣстомъ встрѣчи знакомыхъ и пріятнѣйшимъ мѣстомъ препровожденія времени, то, вслѣдствіе этого, русскихъ, съ первого взгляда, поражаетъ необыкновенное множество праздныхъ зѣвакъ почти у каждой лавки, ничего непродающихъ и непокупающихъ. Лавки эти всегда маленькия деревянныя или глиняныя, расположенные обыкновенно (особенно въ Ташкентѣ) на громадномъ пространствѣ и составляющія настоящій лабиринтъ, въ которомъ, до основательного знакомства съ нимъ, положительно можно заблудиться; своею беспорядочною разбросанностью по всѣмъ направлѣніямъ и постройкою на живую пшитку сильно напоминаютъ прежнюю петербургскую толкучку, но, по своему объему, шалаші эти еще менѣе бывшихъ нѣкогда на толкучемъ рынкѣ. Дверей они не имѣютъ, но вся передняя сторона ихъ открыта, и только на ночь закладывается, и то кое-какъ, больше для формы, досками. Впрочемъ, случаи воровства, до-сихъ-поръ, покрайней-мѣрѣ, были чрезвычайно рѣдки. Не знаю еще, насколько такая честность сартовъ лежитъ въ ихъ нравахъ и насколько представляетъ результатъ дѣйствовавшихъ здѣсь прежде драконовскихъ законовъ: такъ, малѣйшее воровство, говорить, наказывалось по этимъ законамъ отсѣченіемъ пальцевъ, а въ болѣе важныхъ случаяхъ — и цѣлыхъ рукъ.

Прошлою зимою, впрочемъ, въ Ташкентѣ было нѣсколько значительныхъ случаевъ конокрадства, причемъ, однако же, ворами оказались киргизы. Но возвратимся къ базару: половъ въ лавкахъ цѣть; товары развѣщаются по потол-

ку и всѣмъ стѣнамъ шалаша, или просто павлены грудами на глиняномъ полу, на которомъ впереди ихъ возсѣдаетъ и торговецъ, безпечно покуривая свою трубочку и обращая весьма мало вниманія на покупателей. Зазыванія и торгащество, столь обыкновенныхъ еще недавно на русскихъ рынкахъ — не только покупателей, но и прохожихъ, здѣсь нѣть и въ поминѣ. Хотя самыя лавки и разбросаны въ большомъ безпорядкѣ, но товары распределены въ нихъ довольно въ строгой системѣ и каждый разрядъ ихъ помѣщается въ особыхъ отдѣленіяхъ; такъ, напримѣръ, матеріи, шелковые, бумажные и т. п. помѣщаются отдельно; ковры и кожаные издѣлія — въ другомъ мѣстѣ, галантерейные вещи и фаянсовая посуда — въ третьемъ и. т. д. Большая часть этихъ вещей привозится изъ Россіи и, надо сказать правду, все они весьма плохи. Конечно, въ такихъ мизерныхъ лавочонкахъ торговля не можетъ производиться въ широкихъ размѣрахъ; здѣсь идетъ розничная продажа, для личныхъ потребностей покупателей. Купцы, ведущіе оптовую торговлю, имѣютъ свои склады въ такъ-называемыхъ караванъ-сарайахъ; это — большие, четырехъугольные дворы, застроенные внутри со всѣхъ сторонъ кладовыми для товаровъ, а также и помѣщеніями для пребывающихъ купцовъ. Въ городѣ, кромѣ большого, главнаго базара, находится еще обыкновенно нѣсколько мѣнѣе значительныхъ и, кромѣ того, еще особенный, конный базарь, отдельно отъ прочихъ. Здѣшний край вообще изобилуетъ перевозочными средствами: кромѣ ословъ (лошаковъ) и верблюдовъ, есть нѣсколько различныхъ и прекрасныхъ породъ лошадей.

Гостинницъ и трактировъ въ здѣшнемъ захо-

лустъ еще нѣть; ихъ замѣняютъ бани. За входъ въ банию платится обыкновенно 15 чекъ, равняющихся нашимъ 5 копейкамъ серебромъ. Кстати, познакомлю васъ съ сартскими монетами: золотая *тилля* ходить теперь въ 4 нашихъ серебряныхъ рубля, серебряная — *коканъ* или *таянъга* = 20 коп. сер., мѣдная — *чека* = $\frac{1}{3}$ коп. сер. Деньги эти чеканятся въ Бухарѣ или Коканѣ и самое производство чеканки держится национальнымъ правительствомъ въ величайшемъ секрѣтѣ. Такая таинственность объясняется, во-первыхъ, скрытностью и недовѣріемъ — господствующими чертами сартовъ и существующимъ у нихъ обычаемъ особенно скрывать всѣ свои политическія и административныя дѣйствія и распоряженія; во-вторыхъ, весьма распространеннымъ здѣсь обращеніемъ фальшивыхъ кока-новъ. Золотыхъ и серебряныхъ рудъ въ нашихъ туркестанскихъ владѣніяхъ еще не найдено, и въ Сырь-Дарьѣ туземцы добываютъ золотой песокъ, да и то въ весьма незначительномъ количествѣ. Способъ промывки этого золота находится у нихъ, какъ и многое другое, еще въ весьма младенческомъ состояніи; для этого кладутъ нагруженные камнями войлоки въ рѣку, во время сильного ея разлива, чтобъ бываетъ обыкновенно въ маѣ мѣсяцѣ и оставляютъ ихъ въ водѣ отъ 5 до 6 дней. Потомъ, когда золотой песокъ насыдеть на эти войлоки, ихъ бросаютъ въ огонь и сожигаютъ, и затѣмъ собираютъ оставшіеся въ небольшомъ количествѣ золотой песокъ; разумѣется, при этомъ значительная его часть теряется, тратится много времени и напрасно уничтожаются представляющіе все-таки известную цѣнность кошмы, т. е. войлоки. При такомъ способѣ однимъ лицомъ до-

бывается золотаго песку не болѣе какъ на сто рублей за разъ. Значительныхъ богачей, по нашемъ понятіямъ, между сартами нѣть. Обладатель пяти или шести тилля (20 — 25 тысячъ рублей); имѣющій еще, сверхъ того, нѣсколько домовъ и садовъ, считается уже совершеннымъ крезомъ, на которого смотрять какъ на высшее существо. Право наслѣдованія имущества умершихъ сартовъ весьма сходно съ нашимъ: все наслѣдство, по смерти главы семейства, дѣлится между сыновьями по-ровну, за выданіемъ изъ него восьмой части въ пользу вдовъ покойнаго (которыхъ, при многоженствѣ сартовъ, бываетъ нѣсколько) и еще на долю дочерей — такія части всего имѣнія, чтобы каждой изъ нихъ приходилось ровно вдвое менѣе противъ доли сыновей.

Въ каждомъ сартскомъ городѣ васъ поражаетъ монотонное однообразіе его вида; на каждомъ шагу вы видите рѣзкій отпечатокъ восточной замкнутости, фанатизма и азіатской лѣни. Между отдельными личностями, бродящими по улицамъ, какъ сонные мухи, въ группахъ базарныхъ зѣвакъ, рѣдко встѣ чаются иноzemные костюмы и фигуры; только русскіе мундиры пестрятъ, особенно въ послѣднее время, эту одноцвѣтную, еле-двигавшуюся толпу, да изрѣдка, кое-гдѣ, между сартами и киргизами мелькаютъ китайцы. Костюмъ сартовъ обще-восточный: неизмѣнныи классическій халатъ съ чрезвычайно-длинными рукавами, которые они собираютъ на рукахъ безчисленными сборками. Халатовъ этихъ они надѣваютъ на себя по нѣсколько за разъ; верхний носится обыкновенно на распашку и ничѣмъ не завязывается, а второй сверху всегда обвязанъ широкимъ кушакомъ

или шарфомъ, къ которому часто привязываютъ множество различныхъ бездѣлушекъ, какъ напримѣръ, ножницы, довольно толстую палочку изъ мягкаго дерева, сафьянъ, болѣе или менѣе затѣйливо вышитый, кисетъ и т. п. вещи, хранящіяся обыкновенно въ кожаныхъ футлярахъ. Халаты шьются болѣею частью изъ бумаговыхъ (ситцевыхъ) и полушелковыхъ матерій, часто, вирочекъ, бывають и суконныя. Народъ чрезвычайно любить пестроту: чѣмъ ярче и разноцвѣтнѣе халатъ, тѣмъ, значитъ, наряднѣе; но зажиточные купцы, улемы и другие мѣстные аристократы предпочитаютъ менѣе пестрые халаты и, такимъ образомъ, здѣсь также существуютъ свои понятія о *comme il faut* и *mais genre*. На бритой головѣ сарта, съ подстриженными усами и полною бородой, всегда надѣта ермолка и сверху ея — чалма, обыкновенно бѣлая, размѣръ которой зависитъ отъ общественного положенія и происхожденія хозяина: чѣмъ знатнѣе сартъ, тѣмъ больше его чалма, такъ что у нѣкоторыхъ величина ея достигаетъ безобразно громадныхъ размѣровъ. Ноги обуваютъ въ мягкие сапоги, и на улицахъ постоянно носятъ калоши изъ зеленой кожи, которая снимается только при входѣ въ комнату и въ мечеть. Костюмъ женщинъ мало отличается отъ мужскаго; они также носятъ халаты, чаше всего сѣро-синяго цвета; различіе состоитъ лишь въ томъ, что они надѣваютъ ихъ на голову и, обматывая рукава вокругъ шеи, завязываютъ ихъ назади; а лица свои на улицѣ закрываютъ довольно густымъ покрываломъ.

Чтобы познакомить васъ съ жилищами и нравами сартовъ, опишу недавнее посѣщеніе нами одного богатаго сартскаго купца, позвавшаго

нась къ себѣ въ гости. Домъ его двухъ-этажный и, какъ всѣ другіе, выстроенъ изъ глины. Прочность этихъ глиняныхъ зданій весьма не велика: лѣтомъ, отъ сильно палиящихъ солнечныхъ лучей, глина эта дотого сохнетъ, что трескается и вывѣтряется; зимою же, во время постоянныхъ и проливныхъ дождей, она пропитывается водой, размягчается чуть не въ кисель и пропускаетъ цѣлые потоки, наводняющіе это убогое помѣщеніе. Случаи разрушенія зданій бываютъ нерѣдко. Жилище нашего хозяина представляетъ обширный дворъ, обстроенный кругомъ нѣсколькими отдѣльными помѣщеніями. Въ одномъ изъ нихъ живетъ самъ хозяинъ, въ другомъ помѣщаются жены и прислуга; а третіе составляютъ парадную приемную для гостей. Эта гостиная внутри отдалена весьма красиво пестрою лѣпною работой изъ алебастра, нѣсколько напоминающею украшенія стариныхъ мавританскихъ зданій, сохранившихся еще и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Испаніи. Стѣны и потолки испещрены разнообразными рисунками въ восточномъ вкусѣ и стихами изъ корана. Двери и окна комнатъ выходятъ на дворъ, оставленный деревьями и освѣжаемый небольшимъ бассейномъ; на улицу же зданіе обращено голыми стѣнами, и такъ какъ подобная архитектура здѣсь господствующая, то улицы (и безъ того кривыя, узкія и грязныя) имѣютъ весьма непривлекательный видъ, утомляющій глаза этимъ мертвымъ однообразiemъ тянущихся вдоль ихъ заборовъ. При домѣ—непремѣнная принадлежность—садъ, иногда и небольшой, но тѣнистый и наполненный, какъ я уже говорилъ, прекрасными фруктовыми деревьями. Двери и оконные ставни сдѣланы изъ цѣльнаго орѣхового дерева

и весьма искусной рѣзной работы; стеколь въ окнахъ обыкновенно бѣть вовсе и только пазы му окна заклеиваются пузыремъ или масляною бумагой, и эта смѣсъ азіатской роскоши и вычурности съ бѣднотою дикарѣй производить на европейца странре впечатлѣніе. Мебели въ комнатахъ неѣть никакой; ее вездѣ замѣняютъ войлоки, ковры и прущелковая толстая одѣяла, и только по случаю приѣзда почтенныхъ гостей бываетъ приготовленъ большой столъ, покрытый пестрою скатертью и кругомъ его разставлены широкія скамы съ разостланными на нихъ коврами.

Около часу пополудни мы подѣхали верхомъ къ воротамъ дома; самъ хозяинъ, съ ближайшими своими домочадцами мужескаго пола, встрѣтилъ насъ у воротъ, со всевозможными изъявленіями радушія и почтенія, проводилъ до приемной комнаты и тѣ часъ же скрылся. Во все время, пока насть уощали, онъ не показывался ни разу, запакъ обѣй любезности иуваженія къ посѣтителямъ, такъ какъ предполагается, что хозяинъ, удалившись, самъ хлопочетъ обѣ угощеніи гостей. Какъ только мы вошли въ комнату, сыновья и племяники хозяина, все время намъ прислуживавши, начали подавать фрукты и разныя слади, а потомъ уже и болѣе солидныя блюда. Впродолженіе всего нашего обѣда нѣсколько разъ подавался чай, и такъ какъ нашъ хозяинъ часто бывалъ, по своимъ торговымъ дѣламъ, въ Россіи, то на столѣ явились бутылка хересу и даже бутылка шампанского, чего, разумѣется, у другихъ сартовъ вы не встрѣтите, хотя многие изъ нихъ, особенно въ низшемъ классѣ, и весьма не прочь выпить, такъ что увидѣть на улицѣ пьяного сарта, да еще въ празднич-

ное время—совсѣмъ не рѣдкость. Тянуть нашу обыкновенную водку и бузу—весьма не вкусный одуряющій напитокъ, приготовляемый изъ проса и ячменя; бузой напиваются подъ часъ и наши солдаты, имѣющіе удивительную способность акклиматизироваться рѣшительно вездѣ и чувствовать себя, гдѣ бы то ни было, какъ дома.

Отказываться отъ угощенія—значить кровно обидѣть хозяина. Вообще хлѣбосольство сильно развито между сартами и, при свойственной имъ скучности, объясняется тѣмъ, что гостепріимство предписано имъ кораномъ. Поэтому, изъ религіознаго усердія, они всегда не только стараются угостить гостя, какъ можно лучше, но еще имѣютъ обыкновеніе никогда не возвращать въ хозяйство разъ уже поданное, но все оставшееся угощеніе раздаютъ прислугѣ гостей, а за пеимѣніемъ ея — своей собственной. Часто гости, руководствуясь этимъ обычаемъ, уносятъ остатки пиршства съ собою, особенно болѣе дорогіе, какъ напр. сахаръ.

Передъ каждоюѣдою сарты произносятъ краткую молитву, берутся за бороду и затѣмъ каждый отламываетъ себѣ кусочекъ хлѣба и по окончаніи стола снова произносятъ молитву въ нѣсколькихъ словахъ и дотрогиваются до бороды, прикосненіе къ которой вообще служить у нихъ выраженіемъ почтенія, къ чему или къ кому-нибудь. Такъ, напримѣръ, сарты берутся за бороду при входѣ въ чужой домъ, при встрѣчѣ съ знакомыми и особенно съ высшими должностными духовными лицами, или извѣстнѣшиими дворянами; въ послѣднемъ случаѣ прикладываетъ руку къ бородѣ только низшій передъ высшимъ.

Сибирь. — Влад. № 219

ИЗЪ ХОДЖЕНТА.

II.

Почти всѣ сартскіе дворяне — «аксуяки» (бѣлой кости) — считаются потомками святыхъ, и потому пользуются весьма большимъ почетомъ. Нѣкоторые изъ нихъ, даже и теперь, при жизни ихъ, считаются святыми, какъ, напримѣръ, святой Ишанъ-ханъ въ Ташкентѣ. Въ Ходжентѣ, городѣ преимущественно аристократическомъ, этихъ аксуяковъ великое множество; большинство же населенія торговаго Ташкента состоитъ изъ купцовъ и ремесленниковъ. Кромѣ вышеизданнаго почета, дворянскій классъ пользуется здѣсь огромными привилегіями, изъ которыхъ важнѣйшая, до введенія русскаго управлениія, состояла въ освобожденіи дворянъ отъ всякихъ податей и налоговъ; но теперь они обязаны, наравнѣ съ прочими, платить всѣ установленныя подати и земскія повинности, за исключеніемъ только немногихъ, избавленныхъ отъ всякихъ платежей по особому высочайшему повелѣнію.

Эти сословныя раздѣленія по классамъ и привилегіямъ, равно какъ и всѣ законы и обычаи политической, общественной и домашней жизни сартовъ, все это вытекаетъ изъ одного общаго источника — Корана. Весь народный бытъ здѣсь находится подъ исключительнымъ господствомъ религіи, и восточный фанатизмъ процвѣтаетъ между сартами и до-сихъ-поръ еще во всей своей силѣ. Народъ остается еще подъ единственнымъ пока, но огромнымъ и въ высшей степени тормазящимъ всякое развитіе вліяніемъ духовныхъ лицъ, улемовъ и мuftій, исключительно посвященныхъ во всю глубину книжной премудрости корана и шариата (шариатъ — это собраніе узаконеній). Образованіе эти лица получаются въ высшихъ духовныхъ академіяхъ — *медрессе*, находящихся всегда при мечетяхъ. Курсы ученія въ этихъ академіяхъ продолжаются отъ семи до десяти лѣтъ и состоятъ почти единственно въ изученіи духовныхъ книгъ, да, кромѣ того, ученыe закаляются еще въ весьма частыхъ, продолжительныхъ и сухихъ схоластическихъ преніяхъ. Въ шариатѣ сарты находятъ разрешеніе почти всѣхъ вопросовъ, касающихся ихъ гражданской жизни, такъ что эта книга составляетъ для нихъ чуть ли не единственный кодексъ граж-

дацкихъ и уголовныхъ законовъ. Нечего и говорить, до какой степени деспотизмъ духовенства тяготѣтъ надъ всею домашнею жизнью сарта, и одно изъ вреднѣйшихъ его проявленій заключается, между прочимъ, въ недозволеніи держать въ домѣ покойниковъ и требованіи, чтобы ихъ непремѣнно хоронили въ самыи день смерти. Отъ этого, и особенно при жалкомъ состояніи сартской медицины, бываютъ, говорятъ, случаи погребенія за-живо. Но другой важный актъ въ жизни — супружество, имѣть характеръ чисто гражданскаго договора.

Здѣсь кстати будеть сказать нѣсколько словъ объ этихъ двухъ обрядахъ — погребеніи и бракѣ. Умершаго сарта одѣваютъ въ длинную бѣлую рубашку, завертываютъ, кроме того, еще въ простыню и выносятъ, безъ гроба, на кладбище, гдѣ покойника и зарываютъ въ землю, на глубину не болѣе 3—4 футовъ. Кладбища постоянно бываютъ въ чертѣ города и устраиваются обыкновенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ похоронены святые. Могилы такія же, какъ и у насъ, иногда тоже украшаются памятниками изъ обожженаго кирпича (что составляетъ здѣсь рѣдкость), или просто изъ глины, въ видѣ четырехугольнаго камня или небольшаго мавзолея, или иной какой-нибудь, весьма непричудливой — формы. Могила каждого святаго непремѣнно украшена мавзолеемъ, большаго или менѣшаго размѣра, смотря по степени святости покойнаго. Надъ могилами наиболѣе чтимыхъ святыхъ такой мавзолей украшенъ еще куполомъ и своею величиной напоминаетъ большое зданіе. Сверхъ всѣхъ этихъ украшеній, на могилахъ святыхъ всегда лежитъ множество бараньихъ роговъ, означающихъ, что въ честь погребенныхъ здѣсь приносились бараны жертвы, совершение которыхъ сопряжено здѣсь съ дѣломъ благотворительности, такъ какъ мясо принесенныхъ въ жертву барановъ обыкновенно раздается бѣднымъ.

Браки между сартами, какъ мы сказали уже, закрѣпляются гражданскимъ договоромъ у казя (судьи). Мужчины, если только они имѣютъ какое-нибудь состояніе, женятся рано: на 19-мъ или 20-мъ году, такъ что въ медрессе часто бываютъ женатые ученики. Женщины выходятъ замужъ еще раньше — на 14-мъ или 15-мъ году.

Кромъ общепринятаго на Востокѣ внесенія женихомъ калыма (выкупа) за невѣсту, онъ даетъ еще, въ присутствіи казія, обязательство выдавать женѣ, въ случаѣ развода съ нею, опредѣленное содержаніе, такъ-называемый «мяхеръ». Въ случаѣ женитьбы на вдовѣ, женихъ калыма уже не платить, и даетъ одно только обязательство относительно мяхера. Расходы бываютъ здѣсь весьма часто и не представляютъ никакихъ затрудненій. При слишкомъ ранней женитьбѣ, сартамъ скоро надѣдаются ихъ жены и тогда они начинаютъ проводить время въ обществѣ *батчи* — мальчиковъ-плясуновъ. При такихъ условіяхъ, положеніе сартской женщины, конечно, незавидное: почти лишенная всякихъ личныхъ правъ, всегда удаляемая отъ мужскаго общества, чуждая всѣхъ общественныхъ интересовъ, она не допускается даже въ мечеть и, весьма рѣдко наслаждаясь супружествомъ и семейнымъ счастіемъ, невольно предается тайному разврату, а нерѣдко и явному, потому что, въ случаѣ развода съ мужемъ, ея средства къ существованію, несмотря на мяхеръ, весьма скучны и сомнительны.

Еще въ началѣ моего описанія я упомянулъ о лѣности сартовъ. Прибавлю къ этому, что лѣнь ихъ проявляется не только въ наивозможнѣйшемъ ничего недѣланіи, но и во всей ихъ фигурѣ, во всѣхъ движеніяхъ. Самое пріятное и потому самое обыкновенное положеніе сарта (конечно, кроме тѣхъ, которыхъ голодъ гонитъ на какую-нибудь работу) — полулежачее, неподвижно-созерцательное; это вы видите не только въ домахъ, но и на улицѣ, на базарѣ, на каждомъ шагу; невольно приходятъ на память слова Лермонтова:

Все, что здѣсь доступно оку,
Спитъ, покой цѣня... и т. д.

Очень естественно, поэтому, что сарты терпѣть не могутъ ходить пѣшкомъ и всѣ, мало-мальски имѣющіе возможность, почти всегдаѣздятъ: мужчины верхомъ, а женщины, старики и дѣти — въ арбахъ, крайне неуклюжихъ экипажахъ, въ родѣ широкой телѣги на двухъ громадныхъ колесахъ, съ глубокимъ дномъ, большую частью открытыя и только немногія съ уродливымъ войлочнымъ кузовомъ. До какой сте-

пени не въ нравахъ сартовъ ходить пѣшкомъ, когда имѣешь средства ъздить, я увидѣлъ на первыхъ же порахъ моего здѣсь пребыванія,— между прочимъ, и изъ случайной встрѣчи съ нѣсколькими туземными мальчиками. Какъ-то, воспользовавшись прекраснымъ вечеромъ, я отправился побродить за городъ, между окружающими Ходжентъ безчисленными и роскошнѣйшими садами. На дорогѣ, за городской чертой, меня догнала рѣзвая толпа мальчиковъ, и нѣсколько голосовъ разомъ привѣтствовали меня громкимъ восклицаніемъ: «аманъ тюря!» — здравствуй чиновникъ! (Здѣсь всѣ, не исключая и дѣтей, уже до такой степени привыкли къ русскимъ, что не только не избѣгаютъ насъ, но, напротивъ, очень охотно сами заговариваютъ съ нами, и всякаго, носящаго какую бы то ни было форму, или даже хоть одну шапку съ кокардой, называютъ чиновникомъ). Полюбопытствовавъ узнать, куда и откуда я иду, и узнавъ, что я просто хожу для собственного удовольствія, они спросили *томаша ли* (праздникъ ли) для меня, что я гуляю, такъ какъ день этотъ былъ не воскресенье (соответствующее ихъ пятницѣ). Получивъ отвѣтъ и на это, они обратились ко мнѣ съ новымъ вопросомъ: есть ли у меня лошадь, и когда я объяснилъ имъ, что у меня ихъ даже пара, мальчики не повѣрили мнѣ, такъ какъ, по ихъ понятіямъ, невозможно, чтобы человѣкъ, имѣющій своихъ лошадей, сталъ ходить пѣшкомъ.

Понятно, что, при столь распространенной здѣсь ъзда, разведеніе лошадей во всемъ Туркестанѣ составляетъ едвали не главную отрасль промышленности. Каждый сартъ непремѣнно имѣть, если не нѣсколько, то, по-крайней-мѣрѣ, одну лошадь, коль скоро онъ несовершенный *байгутъ* (нищій), или хоть ишака-осла, которые здѣсь очень сильны и выносливы: нерѣдко видишь на одномъ такомъ животномъ двухъ взрослыхъ мужчинъ, которыхъ оно везетъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Въ прежнее время можно было имѣть въ этомъ краѣ славныхъ лошадей и весьма дешево; но со временеми водворенія русскихъ, цѣны на лошадей, какъ и на все прочее, значительно возросли, такъ что доброго и красиваго коня нельзя купить теперь дешевле 100 — 150 рублей. Только лошади самой простой *киризской* породы, маленькия и неуклюжія,

по сильныя, продаются еще по весьма низкой цѣнѣ: отъ 20 до 30 рублей. За хорошими лошадьми у сартовъ бываетъ большой уходъ; они ихъ весьма заботливо холятъ и берегутъ. Такъ напр., для того, чтобы шерсть ихъ была короткая и гладкая, ихъ держатъ постоянно, даже лѣтомъ, подъ толстыми попонами. Кормятъ здѣсь лошадей ячменемъ (овса въ краѣ нѣть вовсе) и дженужкою — высокою, сочною и очень питательною травой, въ родѣ нашего клевера, которую сѣютъ на поляхъ и жиутъ, въ теченіе лѣта, четыре раза. Большая часть туземцевъ — страстные наѣздники и спортсмены; по скачки свои устраиваютъ пѣсколько иначе, нежели у насъ: для того, чтобы вся честь побѣды принадлежала коню, а не искусству наѣздука, они, обыкновенно, сажаютъ на своихъ лошадей маленькихъ мальчиковъ отъ восьми до десяти лѣтъ, ипускаютъ ихъ по прямому направленію отъ одного города, или кишлака (деревни) до другаго, на разстояніи 20 — 25-ти верстъ; первый, прибывшій къ мѣсту, признается побѣдителемъ.

Кромѣ этого, любимѣйшаго сартами, увеселенія, существуютъ у нихъ разныя общественные забавы и развлечения, между которыми питье и ъда, пляска батчи (мальчиковъ) съ грубою и крайне-непріятною музыкой, и представленія акробатовъ — суть самыя обыкновенныя. До всѣхъ этихъ удовольствій туземцы большіе охотники и съ наслажденіемъ предаются имъ, особенно въ большия народные праздники. Впрочемъ, пляски битчи въ публичныхъ мѣстахъ въ послѣднее время запрещены русскимъ правительствомъ, какъ безнравственные и часто влекущія за собой разныя скандальные исторіи. Главнѣйшихъ народныхъ праздниковъ бываетъ два въ году: *ураза-байрамъ*, въ декабрѣ или январѣ, и *курбанъ-байрамъ*, въ мартѣ или апрѣлѣ, — по времени, какъ вы видите, совершенно сходныя съ нашими святками и праздникомъ Пасхи; наступленіе ихъ зависитъ отъ новолуния и потому они мѣняются. Какъ *ураза-байрамъ*, такъ и *курбанъ-байрамъ*, собственно говоря, не праздники, а мусульманскіе посты, продолжающіеся по 30 дней, въ теченіе которыхъ сарты, по обще-мусульманскому обычая, ъдятъ съ наступленіемъ почи; празднество же и народныя увеселенія наступаютъ съ оконченіемъ этихъ постовъ. Всѣ

праздничные дни, главнымъ образомъ, характеризуются истребленіемъ чая въ громадномъ количествѣ, и всеобщимъ пьянствомъ и обжорствомъ. Состоять они въ томъ, что народъ, помолившись въ главной городской мечети, собирается нѣсколько дней сряду, съ ранняго утра, до 4—5 часовъ пополудни, на какой-нибудь большой площади, покрытой множествомъ палатокъ, въ которыхъ продается чай и всевозможныя национальныя яства. Здѣсь же, между прочимъ, продаются и крашеныя яйца, и дѣти, ни мало не стѣсняясь, тутъ же катаютъ ихъ, какъ у насъ на Свѣтой недѣлѣ. Ломанья и кривлянья национальныхъ акробатовъ играютъ въ народныхъ развлеченіяхъ весьма значительную роль.

При переѣздѣ моемъ изъ Ташкента въ Ходжентъ, мнѣ случалось видѣть въ одномъ большомъ селеніи (кишлакѣ) весьма искуснаго гаэра, выдѣлывавшаго на трапеціи, прикрепленной къ двумъ шестамъ, на высотѣ около 10 сажень, точно такія же штуки, какія обыкновенно показываются и европейскими акробатами. Каждый разъ, передъ новымъ акробатическимъ кунштюкомъ, играла раздирающая уши музыка, составленная изъ бубенчиковъ и барабановъ; затѣмъ акробатъ сверху объявлялъ публикѣ, въ чёмъ именно будетъ состоять этотъ новый кунштюкъ, произносилъ молитву о томъ, чтобы не случилось съ нимъ несчастія, и весь народъ, набожно взявшись за бороду, повторялъ эту краткую молитву. По окончаніи каждого фокуса, артистъ первый хлопалъ въ ладости, и заnimъ уже зрители выражали свое удовольствіе болѣе или менѣе громкими рукоплесканіями. Въ концѣ концовъ, со всей публики собирали деньги, такъ какъ представление происходило на большой открытой площади и ни какой предварительной платы за входъ не взималось. Кругомъ столбовъ стояло множество народа въ разнообразныхъ положеніяхъ: кто просто стоя, кто сидя на землѣ, большинство же на лошадяхъ.

Смотря на беспечную жизнь сартовъ, среди роскошной природы и благодатнаго климата, здѣсь видишь почти первобытнаго человѣка: такъ здѣсь все просто, безхитростно, близко къ природѣ (я не говорю объ ихъ отношеніяхъ къ намъ — въ этомъ сжаты весьма и весьма не безхит-

росты). Но эта всеобщая тишина и благодать, похожая на истому или, скорее, на сладкую дремоту, возмущается, и довольно часто, страшнымъ явлениемъ... Я говорю о землетрясенияхъ, бывающихъ время отъ времени въ Туркестанской области, особенно въ Ташкентѣ и около него. Во время моего пребыванія здѣсь (менѣе года) было уже два землетрясения: первое — какъ разъ въ Новый Годъ, въ $12\frac{1}{2}$ часовъ ночи, а другое — въ началѣ марта, тоже около полуночи. Послѣднее было особенно сильно и разрушившимися отъ него домами было задавлено отъ 30 до 40 человѣкъ. Впрочемъ, какъ ни страшно это бѣствіе, оно чуть ли не единственное, которое по временамъ губить здѣсь родъ человѣческій, да и то въ весьма ограниченномъ размѣрѣ: болѣзней сарты почти не знаютъ; о существованіи какихъ-либо эпидемій я пока еще и не слышалъ; лихорадки бываютъ рѣдко. Только, должно быть отъ чрезмѣрной сухости воздуха, туземцы подвержены излишней сухости кожи, и потому часто страдаютъ накожными болѣзнями. Въ особенности между ними развита, такъ-называемая, болѣзнь — родъ лишаевъ, показывающихся преимущественно у дѣтей, вся голова которыхъ бываетъ покрыта такими лишаями, появляющимися, кромѣ того, и на другихъ частяхъ тѣла. Эта болѣзнь очень упорна, трудно вылечивается и обыкновенно оставляетъ послѣ себя слѣды въ красныхъ пятнахъ. Замѣчательно, что и русскіе, долго живущіе здѣсь, подвергаются этой болѣзни. Въ Бухарѣ, а какъ нѣкоторые говорятъ, и въ одной изъ нашихъ здѣшнихъ провинцій — въ Джюзакѣ, существуетъ еще одна, страшно-мучительная болѣзнь, такъ-называемая, ришта. Это червь, при нестерпимыхъ страданіяхъ, причиняемыхъ больному, выходящій изъ разныхъ частей тѣла. Сначала появляется красное пятно, потомъ дѣлается опухоль и, наконецъ, сквозь небольшой, лопающейся нарывъ, показывается и самъ червь, при невыносимыхъ мученіяхъ. Лучшимъ средствомъ считается не трогать въ это время червя и предоставить ему самому свободно выходить до конца, (что, говорятъ, продолжается нѣсколько недѣль), потому что при вытаскиваніи онъ легко можетъ порваться и въ такомъ случаѣ съ больнымъ дѣлается сильное воспаленіе, на тѣлѣ образуется новая рана, оставшаяся часть червя выходитъ уже въ

другомъ мѣстѣ, и отъ слишкомъ продолжительныхъ и сильныхъ страданій человѣкъ оправляется отъ болѣзни не ранѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Иногда, впрочемъ, если болѣвой не въ состояніи терпѣливо выжидать естественаго выхода червя, послѣдняго вытаскиваютъ, какъ можно осторожнѣе и медленнѣе (въ теченіе нѣсколькихъ дней), навертывая его на палочку. Истинныя причины происхожденія этой страшной болѣзни до-сихъ-поръ достовѣрно еще неизвѣстны; говорятъ, что она развивается вслѣдствіе какого-то особеннаго свойства воды, но это ничѣмъ еще не доказано.

Кромѣ сартовской болѣзни и риниты, происходящихъ уже не отъ воли и вины человѣка, сарты еще изнуряютъ себя и сами куреніемъ опіума, вслѣдствіе котораго ихъ постигаетъ преждевременная старость, одряхленіе и даже умственное притупленіе. Впрочемъ, этому разрушающему здоровье удовольствію здѣсь предаются, кажется, не многіе, и во всякомъ случаѣ, гораздо меньше, чѣмъ въ другихъ странахъ востока; по зато во всей Туркестанской области странно распространено куреніе трубокъ ѹ кальяна и, въ особенности, жеваніе нюхательного табаку, который, впрочемъ, они не жуютъ, въ буквальномъ смыслѣ, а просто кладутъ табачный порошокъ въ ротъ и держать его тамъ очень по долгу, испытывая какое-то непостижимое, истинно-варварское наслажденіе. Куреніе хотя прямо и не запрещается кораномъ, но въ немъ говорится, что мусульманъ, курящій па землѣ, лишается въ будущей жизни заступничества и помощи Магомета, въ томъ случаѣ, когда таковыя ему понадобятся. Какъ видно, поклонники пророка мало заботятся о снисканіи себѣ протекціи на томъ свѣтѣ.

Взаключеніе скажу нѣсколько словъ о встрѣчающейся здѣсь совершение особой и весьма типичной группѣ людей, о такъ-называемыхъ дуванахъ. Дуванъ — это среднее между пашимъ юродивымъ и восточнымъ дервишемъ; повидимому, онъ нищій, покрытъ лахмолями, не поситъ чалмы, а вмѣсто нея — особой формы, пеструю, остроконечную шапку; съ утра до вечера бѣгасть по улицамъ и въ особенности по базарамъ, съ большимъ мѣшкомъ въ рукахъ, въ который сваливастъ всѣ получаемыя отъ щедрыхъ мусульманъ подачи (милостыни, какъ из-

вѣстно, составляеть, по корану, одну изъ главнѣйшихъ обязанностей каждого правовѣрнаго), и съ плачевнымъ, весьма непріятнымъ, напѣвомъ выпрашиваетъ подаяніе, иногда въ одиночку, а иногда и въ большой компаніи товарищей. Но, возвратившись домой, такой дуванъ, какъ мы разсказывали, сбрасываетъ съ себя нищенскіе лохмотья, надѣваетъ отличные халаты, есть прекрасный, жирный пилавъ съ бараниной, однимъ словомъ пользуется всѣми благами и удовольствіями зажиточнаго человѣка. Замѣчательно, что эти зловредные тунеядцы и паразиты, составляютъ еще какъ бы привилегированій классъ, въ который постороннихъ не принимаютъ; права ихъ переходятъ по наслѣдству изъ рода въ родъ; они владѣютъ домами и садами, имѣютъ по иѣсколько женъ и, по большей части, вступаютъ въ бракъ съ дочерьми дувановъ же.